

Очень нужен рост

РОСТ НЕОБХОДИМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ, НО КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ? ПОЧЕМУ РОСТ ЗАТИХАЕТ ДАЖЕ ПРИ БЛАГОПРИЯТНОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ? КАК РАЗГОНЯЕТСЯ? НУЖНО ЛИ ЕГО ТАРГЕТИРОВАТЬ?

В прошлом году рост экономики в России составил 1,3%. Успехи не поражают. Однако один сектор — финансовый — рос совсем другими темпами и увеличился на 12% в реальном выражении. Примерно то же самое наблюдалось в 2012 году. Чем объясняются такие парадоксальные результаты?

Для того чтобы разобраться с моделью роста отечественной экономики, участники круглого стола НАУФОР предполагали обсудить определенный круг вопросов.

— Возможна ли в принципе новая модель роста? За счет чего может расти российская экономика (за счет стимулирования потребительского спроса, за счет инвестиционной активности)?

Каков может быть среднесрочный экономический курс РФ?

— Какой должна быть процентная политика для поддержания роста?

— Какие шаги в направлении институциональных реформ могут быть предприняты в экономической сфере (регулирование тарифов монополий, деофшоризация, налоги и так далее)?

— Какую конкретную роль может играть в моделях экономического роста финансовый рынок? Какой вклад он вносит в экономический рост сегодня?

Участники круглого стола: Александр Абрамов (НИУ ВШЭ); Ярослав Лисоволик («Дойче банк»); Евгений Гавриленков («Сбербанк-КИБ»). Модератор — Ирина Слюсарева.

Ирина Слюсарева. Хотела бы начать с простого вопроса: почему так важна проблема экономического роста?

Ярослав Лисоволик. И глобальный, и российский контекст свидетельствуют о замедлении роста, о так называемом состоянии *new normal*, о котором сейчас говорят очень многие. Есть ощущение, что экономический рост уже не тот, что раньше, и в этих условиях обостряется поиск новых моделей, новых путей стимулирования экономического роста или поиск новой модели роста. В том числе и в России. Я думаю, что российский контекст обостряется еще и тем, что у нас рост замедляется на фоне достаточно благоприятной внешней конъюнктуры, — то есть роль играют не столько внешние факторы, сколько внутренние. Это признает уже и наше высшее руководство.

И конечно, с точки зрения финансовых рынков экономический рост — сейчас абсолютно ключевой параметр, потому что все инвесторы охотятся именно за ним. Для них это главный макроэкономический фактор.

Если та или другая страна находит какие-то выходы на траекторию более высокого экономического роста, то дивиденды для нее — с точки зрения и рынков, и инвестиций — могут быть достаточно существенными.

Александр Абрамов. Я бы акцентировался на другом. Экономический рост, мне кажется, очень важен для того, чтобы осуществлять в России эффективную политику обновления основного капитала, потому что наш основной капитал морально устарел. И требуется, чтобы за счет экономического роста появлялись дополнительные ресурсы для воспроизводства основного капитала на некотором новом технологическом уровне. Страна не может долго развиваться при нулевом экономическом росте.

Второй главный фактор — это то, что экономический рост является офертой на иностранные инвестиции, на участие в распределении технологических цепочек. Если такого роста нет, то страна уходит от мировой экономической цивилизации.

И третье, особенно важное для России. Одним из немногих достижений, которые мы в последнее время получили, является социальная стабильность. Ее поддержание тоже требует некоторого роста.

Ирина Слюсарева. То есть рост нужен: первое — для того чтоб расти, второе — чтобы привлекать инвестиции, третье — чтоб оставаться стабильными. Так?

Евгений Гавриленков. Я продолжу тему стабильности — в обществе в целом и в финансовой системе, в частности.

Во-первых, наверное, не очень правильно ориентироваться на предыдущее десятилетие, поскольку тогда темпы роста были в среднем между 6 и 7%. Во многом это был перегретый рост, особенно за пару лет до кризиса, когда имел место бурный приток капитала, чего мы прежде никогда не имели. Капитальный счет в тот период стал положительным, сопоставимым со счетом текущих операций — в связи с появлением огромного количества дешевых денег. Как следствие, появились многие дисбалансы, такие как избыточный импорт, избыточное потребление, в том числе избыточные инвестиции и избыточный долг.

Я бы не вполне согласился с тезисом, что мы ищем new normal. Скорее всего, мировая система (Россия в том числе) ищет какой-то «old new» normal, который не основывается на безоглядном печатании денег по всему миру. И, похоже, мы нащупываем траекторию примерно в диапазоне 3–4% глобального экономического роста, а не в наблюдавшейся раньше зоне 4–5%. Другое дело, как тут себя будет позиционировать Россия. Если Америка и Великобритания в этом году растут, по прогнозам, на 2–2,8%, а мы в РФ говорим о 0–1%-ном росте (без учета возможных санкций), то это вызывает некие вопросы. Почему рост такой низкий, если внешняя среда хорошая, а цены на нефть — 105–108 долларов за баррель?

Европа растет уже со второго полугодия прошлого года и предъявляет определенный спрос на российский экспорт, — не только на газ, но и на металлы, химию. Тем не менее наш рост тормозится.

И возвращаясь к тезису об устойчивости. Наш рост — это уже не только рост в Москве и двух-трех других крупных городах. Москва с областью как регион по доходам на душу населения и объему регионального ВВП уже сопоставима с какой-то среднего размера европейской страной;

по численности населения Москва плюс область тоже сопоставима, например, с Голландией. Поэтому здесь по определению не может быть 7–8–9 %-ного роста. Рост идет там, где ниже издержки, дешевле рабочая сила. И рост будет в дальнейшем идти преимущественно из регионов. И он будет явно неравным. Но это то, что должно цементировать всю нашу систему.

То есть нам надо обеспечивать (по возможности) подтягивание других регионов к Москве по доходам и качественные изменения в структуре потребления, структуре экономического роста тех регионов, где доходы существенно выше. Следует пройти путь развития, который проходит весь мир, меняя структуру потребления, и не пытаться тиражировать ту же самую модель роста, которая имела место 10–15 лет назад.

Ирина Слюсарева. То есть имеет смысл пытаться получить хороший результат, не повторяя недавно сделанных собственных ошибок?

Евгений Гавриленков. Именно собственных. Проблема — в торможении нашего роста. Торможение, которое произошло за предыдущие полтора года, на 99% (даже на 100%!) объясняется нашими внутренними ошибками.

Причем ошибки эти сделаны в области макроэкономической политики.

Я не берусь сейчас обсуждать тему качества институтов, судебной системы. Но эти проблемы, скорее всего, не усугубились. Наоборот, в рейтинге Всемирного банка Ease of Doing Business мы поднялись по соответствующим показателям примерно на 25 ступеней вверх. В рейтинге привлекательности агентства Блумберг, опубликованном в январе, мы также существенно поднялись. А рост исчез!

Значит, речь надо вести не только о качестве институтов, а о том, что идет неправильно в макроэкономике. И в этом обсуждении нельзя кивать на внешний мир.

В прошлом году рост экономики в России составил всего лишь 1,3%. Несмотря на такой общий показатель,

один сектор вырос очень-очень хорошо — на 12% в реальном выражении. Это финансовый сектор. Если мы уберем из ВВП показатели финансового сектора, то получится, что вся остальная экономика выросла всего на 0,8%. Примерно то же самое наблюдалось в 2012 году, когда финансовый сектор вырос более чем на 18%, а экономика — на 3,4. То есть темпы роста в одном секторе на порядок выше, чем в других. И проблемы здесь не с институтами. Проблемы, скорее, связаны с неточными действиями в сфере макроэкономики.

Ирина Слюсарева. Каков может быть среднесрочный макроэкономический прогноз для российской экономики? В частности, можем ли мы расти и какими темпами? В подготовленном МЭР долгосрочном прогнозе развития страны до 2030 года наиболее вероятным был признан сценарий темпов роста ВВП 2,5%, но сейчас он выглядит нереальным.

Ярослав Лисоволик. Я думаю, что официальный прогноз Министерства экономического развития — это больше сигнал, или, если хотите, бенчмарк, индикатор того, что с нами происходит, если никаких существенных преобразований не производится. На самом деле мне кажется, что большинство среднесрочных и долгосрочных прогнозов были существенно пересмотрены вниз. И компонент, который в основном пересматривался, — это влияние структурного фактора, структурных преобразований на динамику ВВП. По моему мнению, пока не просматривается явных направлений выхода на новую модель роста, новых концепций экономического развития. И это приводит к тому пессимизму, который сейчас царит, в том числе, в экспертной среде.

Еще раз подчеркну, что со стороны МЭР такая цифра — это, скорее, индикатор того, что происходит, если стагнируют и инвестиционный фактор, и фактор производительности труда, фактор эффективности производства.

Мне кажется, что рост должен идти в основном за счет производительности

труда, за счет эффективности производства. Именно здесь [находится] большой потенциал. И первоочередные меры, на мой взгляд, связаны не только с макроэкономическими преобразованиями. Мне кажется очень важным обратить внимание на наши госкомпании, на необходимость трансформации корпоративного сектора, повышения корпоративной привлекательности. Необходимо добиваться не просто инвестиционной привлекательности, но прозрачности и понятности того, что там происходит; мониторинга большего количества качественных параметров, с которыми сопряжено функционирование государственных предприятий, в том числе необходимость серьезного отслеживания их издержек. Это не обязательно означает какой-то мобилизационный сценарий для нашей экономической модели. Это означает, что применительно к госсектору государство учится управлять собой.

Пока что госсектор разрастается, заминая какую-то часть частного сектора. А в условиях отсутствия прозрачности, мониторинга госсектора это сказывается на общей экономической динамике.

Александр Абрамов. Я думаю, что 2,5% — это, с одной стороны, инертный прогноз, а с другой — на сегодняшний день он кажется оптимистичным. Не берусь спорить, должен ли он быть выше или ниже.

Мне кажется, что складывается не совсем благополучная тенденция, когда официального прогноза темпов роста экономики на долгосрочную перспективу мы не имеем вообще. Есть ноябрьский прогноз МЭР, идут какие-то разговоры в прессе о том, что подготовлены новые прогнозы, но их общественность не видела. Потому ориентиры не очень понятны. И есть сомнения в способности монетарных властей, Минэкономразвития, Министерства промышленности как-то согласовывать свои действия в таргетировании роста. Центральный банк таргетирует инфляцию.

Вопрос — может, нам таргетировать экономический рост?

По определению за рост отвечает Министерство экономического развития, но, конечно же, его возможности ограничены. И мне кажется, что за экономический рост практически никто реально не отвечает. Каждый отвечает за свое. В результате получается, что пуговицы хороши, застёжки хороши, а пиджак в целом — неважный.

В стратегиях финансового развития тоже нет индикаторов инвестиций. Есть что угодно иное — ликвидность рынка, активы таких-то и таких-то фондов к ВВП. Но на инвестиционный рост эти индикаторы не заточены. И некого критиковать за это, поскольку нет единого центра.

Ирина Слюсарева. А каким образом этот механизм мог бы быть устроен иначе?

Александр Абрамов. На самом деле просто хотелось бы, чтобы на сайте Минэкономразвития всегда имелась актуальная версия прогноза. Важна даже не цифра, важно само понимание инструментов экономического роста.

Если мы возьмем старый прогноз, то основным инструментом экономического роста там выступает рост потребления, что уже устарело. Да и во всех выступлениях представителей Минэкономразвития подчеркивается, что они уже передумали использовать рост потребления как индикатор и будут напирать на инвестиции.

Ярослав Лисоволик. То есть министерство демонстрирует, скорее, реакцию на то, что уже происходит, нежели способность к опережающим прогнозам?

Александр Абрамов. Можно сказать и так. Надо, чтобы на каждый момент времени в стране было понимание ориентиров роста и инструментов его поддержания. И чтобы принципиальные решения по тем или иным экономическим вопросам принимались с учетом их воздействия на рост. Центральный банк ведь достаточно последовательно ведет себя в таргетировании инфляции.

А чем экономический рост хуже инфляции? Такая же твердость у государственных, у монетарных властей должна быть и в отношении определения политики экономического роста.

Наталья Калиниченко. А есть мировые аналоги такого прогнозирования роста? **Александр Абрамов.** На Востоке Китай с пятилетними планами экономического и социального развития. На Западе — Федеральная резервная система, которая отвечает не только за инфляцию, она отвечает также за экономический рост и безработицу.

Евгений Гавриленков. За рост она напрямую не отвечает.

Ярослав Лисоволик. Федрезерв имеет так называемый двойной мандат. Предлагаю поговорить об этом, когда мы дойдем до вопроса о процентной политике.

Ирина Слюсарева. Названы две проблемы. Первая — все-таки какое ведомство должно, грубо говоря, отвечать за рост. Вторая — то, что рост надо таргетировать, а он констатируется по факту. Есть ли смысл это обсудить более детально?

Евгений Гавриленков. Позволю себе не согласиться с некоторыми прозвучавшими тезисами. Во-первых, о том, что ЦБ хорошо таргетирует инфляцию. Он ее абсолютно не таргетирует, и ничего у него пока не получается.

Ярослав Лисоволик. Но это постулируется.

Евгений Гавриленков. ЦБ уже как минимум лет 12 говорит о том, что будет таргетировать инфляцию. Пока этого не происходит. А если Центробанк ее даже и таргетирует, то абсолютно не на правильном уровне. Об этом предлагаю подробно поговорить чуть позже.

Другое дело, что, по-моему, таргетировать рост тоже было бы не совсем правильно. Государству было бы полезно, на мой взгляд, сосредоточиться на сфере своей ответственности и не брать абсолютно за все. Никто не должен отвечать (в классическом понимании ответственности) за рост.

